

— Разве ты не любишь её?.. — в глазах мужчины вспыхнул последний, самый мрачный свет. — С моими деньгами ты сможешь жить с ней, а также с твоими братьями и сёстрами вечно.

А Шан подумала, что мужчина, должно быть, сошёл с ума. Даже если между ними больше не было супружеских чувств, как он мог на смертном одре отдать свою женщину другому, да ещё и женщине?

Но разве он уже не сделал подобное раньше?

А Шан вспомнила глаза, выглядывавшие из-за ширмы, и все её неверие и невысказанные слова застряли в горле.

—————

А Шан была простой смертной в этом мире, страдающей среди простых людей. Всю свою жизнь она искала лишь крышу над головой, постель для сна и спокойствие для своей семьи. Поэтому она согласилась на предложение мужчины ради этих денег.

— С этими деньгами мои братья, сёстры и мама, наверное, смогут жить лучше, больше не будут подвергаться насмешкам, больше не будут смотреть на других с опаской... — мысленно повторяла А Шан, подходя к комнате Ци Юнь.

Она только протянула руку, как капля воды упала на её тыльную сторону. Начался дождь.

Ночной дождь поздней осени был резким и холодным.

А Шан промокла наполовину, прежде чем постучала в дверь. Ци Юнь открыла, не выказывая удивления.

Заглянув за Ци Юнь, А Шан увидела, что комната уже была убрана. Ци Юнь действительно собиралась уйти.

— Что привело вас сюда, госпожа?

Возможно, из-за её вида Ци Юнь сделала шаг в сторону, приглашая её войти, но А Шан лишь опустила голову, не отвечая и не двигаясь.

Ци Юнь не стала торопить её, просто стояла перед ней, словно ожидая. А Шан снова почувствовала тот приятный аромат, свежий и лёгкий, похожий на запах бамбука и чая.

Дождь снаружи был сильным, звук капель, ударяющихся о крышу, бил, как барабан, в сердце А Шан. Чем тише была Ци Юнь, тем больше А Шан волновалась. Сегодня была последняя возможность.

— Юнь-гунян... — начала А Шан, поднимая взгляд, но, заметив на полке «коллекцию» мужчины, те самые странные и непристойные вещи, которые Ци Юнь использовала для шуток при их первой встрече, она отвела взгляд и замолчала:

— Не могла бы ты научить меня...

— Научить чему?

— ... — А Шан ещё не успела выговорить, как её лицо уже полностью покраснело:

— Как между женщинами... — она опустила голову ещё ниже, словно говорила о чём-то запретном:

— Как между женщинами...

— Как?

Ци Юнь понимала, что хотела сказать А Шан, но ждала, пока та сама произнесёт это.

— ...

А Шан не могла произнести эти слова. Сжав губы, она словно приняла какое-то решение и бросилась в объятия Ци Юнь.

— Юнь-гунян... обними меня...

Голос А Шан прозвучал из её груди, лёгкий, как клочок дыма, почти молящий.

Между ними наступила краткая пауза.

Плечи А Шан были приподняты, она всё ещё опускала голову, не решаясь встретиться взглядом с Ци Юнь. Сделав такой наглый запрос, она думала, что Ци Юнь, возможно, сочтёт её отвратительной.

— Госпожа, вы согласны добровольно?

Услышав этот вопрос, А Шан почувствовала, как красивая рука приподняла её подбородок. Пальцы Ци Юнь были слегка прохладными, и, едва коснувшись их, А Шан невольно сжала плечи.

При свете свечи А Шан не смогла разглядеть ни малейшей эмоции в глазах Ци Юнь. Та просто смотрела на неё, и её глаза были прекрасны.

А Шан сжала губы ещё сильнее и слегка кивнула. В следующий момент её тело оказалось в воздухе, поднятое Ци Юнь. А Шан была хрупкой и тонкой, как лист, сорванный осенним ветром, и легко упала в объятия Ци Юнь.

Ци Юнь могла ясно чувствовать, как А Шан дрожала, даже кончики её пальцев были наполнены тревожной дрожью. Она несла её прямо к кровати, и в шуме дождя слышалось только учащённое сердцебиение А Шан.

Ци Юнь положила её на кровать, движения были мягкими. А Шан, предчувствуя что-то, подняла руку, чтобы погасить свечу, но Ци Юнь схватила её руку, наклонилась и поцеловала её.

При мерцании свечи А Шан крепко закрыла глаза. Поцелуй Ци Юнь пришёлся не на её губы, а на тонкую и чувствительную шею.

— Мм...

Этот неожиданный поцелуй заставил А Шан издать тихий стон, в котором было больше испуга.

Ци Юнь была серьёзна.

Когда А Шан поняла это, рука Ци Юнь уже ловко развязала её пояс и проникла под одежду.

Руки Ци Юнь были совсем не такими, как у мужчины — тонкие и нежные, скользящие по телу А Шан, словно лёгкий ветерок, каждое прикосновение вызывало приятное покалывание.

Поцелуй Ци Юнь отошёл от её шеи, и, едва А Шан успела перевести дыхание, её мочка уха была захвачена губами. Она услышала голос Ци Юнь, звучащий рядом с её ухом, низкий и мягкий:

— Госпожа, вы так приятно пахнете.

Тело А Шан источало аромат, который Ци Юнь заметила ещё при их первой встрече.

Этот аромат усиливался, когда А Шан волновалась или возбуждалась.

Этот природный аромат казался Ци Юнь чем-то особенным, но для А Шан это был «недостаток», который она отчаянно пыталась скрыть. Её мать говорила, что это символ нечистоты и разврата, поэтому А Шан никогда не хотела, чтобы кто-то об этом знал.

Услышав это, А Шан инстинктивно сжалась, не желая, чтобы Ци Юнь почувствовала этот запах, но чем больше она пыталась скрыть его, тем сильнее он становился.

— Не надо...

Запястья А Шан были схвачены Ци Юнь, и её сила оказалась гораздо больше, чем А Шан ожидала. Она не могла вырваться, даже когда Ци Юнь держала её одной рукой. Поцелуи Ци Юнь спускались по её нежной шее, одежда А Шан была почти снята, она была как цветок, раскрывающийся в руках Ци Юнь, источая сильный аромат.

А Шан была в ужасе, она боялась Ци Юнь, но начала бояться и себя.

Она поняла, что её тело не сопротивлялось, как она ожидала. Под поцелуями и прикосновениями Ци Юнь она чувствовала что-то новое, что-то не неприятное, а скорее вызывающее приятное оцепенение.

А Шан считала, что это неправильно, она думала, что стала той «развратной» женщиной, о которой говорила её мать. Она не хотела этого, поэтому заплакала.

Ци Юнь, казалось, была опытна в этом. Она знала, как доставить удовольствие женщине. Чем больше А Шан сдерживалась, тем смелее становились её руки. Слёзы А Шан катились по щекам, и Ци Юнь, видя, что женщина, которая сама просила удовольствия, теперь плачет, поднялась, поправила её одежду и вытерла слёзы.

— Если госпожа согласна добровольно, зачем плакать?

Ци Юнь любила женщин, но не таких, как А Шан.

Она предпочитала более яркие и пышные цветы, например, лотосы, а А Шан была хрупкой и тонкой, как лист бумаги, как одинокая травинка, колеблющаяся на ветру.

На лице А Шан всегда была печать грусти, даже когда она улыбалась. Чаще всего она сжимала губы, и её нос слегка морщился, а родинка, «вредящая мужу», становилась более заметной, делая её выражение ещё более живым и печальным.

Она была осторожна во всём, покорна и смиренна, словно это было её привычным способом выживания.

Ци Юнь считала таких женщин скучными и безвкусными.

— Если госпожа согласна добровольно, зачем плакать?

Когда Ци Юнь остановилась, слёзы А Шан всё ещё текли. Она знала, что снова всё испортила, она думала, что сможет справиться.

Всё вернулось к тишине, дождь стучал по крыше, свеча мерцала.

А Шан снова думала, слушая дождь, что было бы хорошо, если бы вода могла смыть всё. Эта слабая и беспомощная она... Какое оправдание она могла найти, на что всё свалить, она уже не понимала.

Ци Юнь сказала, что время позднее, и ей пора уходить. Она говорила о себе.

Она уже решила уйти ночью, и появление А Шан явно замедлило её планы, но в конце концов она уйдёт.

— Твой эксцентричный муж всё равно скоро умрёт... — Ци Юнь взяла в руки «коллекцию» мужчины и равнодушно сказала:

— Госпожа должна быть рада.

Мужчина, возможно, действительно скоро умрёт, но она тоже ничего не получит.

— Юнь... возьми меня...

[Авторские примечания, комментарии отсутствуют]

<http://bllate.org/book/16235/1458723>